

Социализация

(от лат. *socialis* – общественный) – совокупность взаимосвязанных процессов усвоения и воспроизводства индивидом необходимого и достаточного для полноценного включения в общественную жизнь социокультурного опыта и фило-онтогенетического формирования и развития соответствующих свойств и качеств индивида, его становления как конкретно-исторического типа личности и субъекта (актора) социокультурных практик данного общества.

Социализация предполагает одновременное: усвоение социальных ролей и образцов поведения, позволяющих индивиду претендовать на занятие определенных социальных позиций и приобретение соответствующего(их) социального(ых) статуса(ов); овладение формами, ценностями, символами, нормами, традициями, языками, смыслами и т. д. культуры; приобретение собственного социокультурного опыта и личностной (социальной, этнической, конфессиональной и т. д.) идентичности; достижение статуса «взрослого» – самостоятельного и автономного деятеля (субъекта, актора), способного к принятию ответственных решений, касающихся его жизни в соответствии с институционально и межличностно транслируемыми предписаниями, запретами и ожиданиями общества, а также социальных общностей и групп, к которым принадлежит индивид. Социализация – двунаправленный процесс, в котором, с одной стороны, от общества к личности идут процессы трансляции необходимых для усвоения содержаний и осуществляются процедуры целенаправленного (но и стихийного) воздействия и социального контроля, призванные обеспечить проектируемые результаты, а с другой – на уровне индивида – происходит в той или иной мере адекватное усвоение социокультурного опыта, его интернализация и формирование самих личностных структур.

Через процессы социализации обеспечивается воспроизводство людских

ресурсов общества и задаются их качественные параметры, обеспечивается его нормальное функционирование и преемственность поколений, закладывается потенциал для последующих социальных изменений и социокультурного развития. Социализация обеспечивается принятыми в культуре и институционализированными в социуме и его соответствующих подсистемах технологиями и стратегиями обучения, профессиональной подготовки, образования, воспитания, поддержанием необходимого уровня функциональной грамотности социальных деятелей.

Успешность социализационных процессов в любом обществе во многом определяется: привитием меры необходимого для каждого конкретного социума и допустимого его культурой конформизма как принятия и усвоения «правил общественной жизни» в широком смысле слова; успешностью блокирования тех форм, способов, стратегий и технологий социального поведения и действия, которые определяются как девиантные (отклоняющиеся); умением поддержать необходимое и допустимое соотношение между инновационной (креативной) и традиционной (репродуктивной) составляющими в общественной жизни. А в конечном итоге – поддержанием баланса социальных изменений и социальной стабильности, социальной мобильности и социальной организованности, воспроизводством структур, обеспечивающих социальный порядок. Таким образом, социализацию следует рассматривать как один из основных социообразующих, наряду со стратификацией и институционализацией, процессов, проявляющихся на всех уровнях и охватывающих все сферы общественной жизни. Характер и поддерживаемые параметры социализационных процессов позволяют во многом как типологизировать социумы, относящиеся к разным цивилизациям и эпохам, так и понимать специфичные только для этих социумов и их культур конкретные социокультур-

ные и личностные феномены. Существенны и показательны в социологическом контексте, в частности, те сломы социализационных стратегий и технологий, которые фиксируются при переходах от традиционных к индустриальным (модернистским/модерновым) и от последних к постиндустриальным (постмодернистским/постмодерновым) типам социальности.

В большинстве социологических дискурсов различают первичную и вторичную социализацию, что вводит представление о периодичности и стадильности протекания социализационных процессов. Первичная социализация трактуется при этом как финитный процесс, завершающийся со становлением личностных структур индивида и приобретением им прав «взрослого» в данном типе общества (т. е. началом социальной зрелости). Последнее, как правило, связано: с овладением определенной профессией и началом трудовой деятельности; получением образования, соответствующего тому или иному стандарту; началом самостоятельной семейной жизни и приобретением статуса «родителя»; обретением всей полноты политических, юридических и т. д. прав и обязанностей; закреплением личностной (само)идентификации. В обществах традиционного и особенно архаического типов границы завершения первичной социализации фикси-

руются достаточно четко, например, через прохождение обрядов инициации, и характеризуются, как правило, совпадением (как минимум корреляцией) во времени всех составляющих социализационного процесса. В обществах индустриального типа составляющие социализации в той или иной мере автономизируются друг от друга, что ведет к нарастанию их несинхронности во времени. В обществах «позднего модерна» и (или) постмодерновых обществах десинхронизация и автономизация этих составляющих многократно усиливается, а сама социализация предельно растягивается во времени, вторгаясь отдельными своими компонентами в фазу «социальной зрелости», принципиально определяющуюся как лежащую за пределами первичной социализации.

Это связано с изменением характера и параметров протекания других социокультурных процессов. Из наиболее существенных факторов в этом отношении следовало бы назвать: принципиальное изменение демографического поведения, акселерацию, иные стратегии построения брачно-семейных отношений; увеличение требований к получаемому стандарту образования, длительность и сложность овладения современными профессиями, возрастание квалификационных требований; рост территориальной и социальной

мобильности, максимальную динамизацию социокультурной жизни, необходимость постоянной корректировки и смены приобретаемых идентичностей; предельную урбанизированность образа жизни, его жесткое подчинение временным ритмам, анонимизацию социальных отношений; изменение моделей экологического, экономического, политического, культурного и индивидуального поведения; влияние массовой культуры, рекламы, средств массовой информации, новых компьютерных и информационных технологий; факторы психологического характера (одиночество, стрессы, культурные шоки, психические заболевания и т.д.). В результате не только размываются этапные границы социализации, возрастает сложность и насыщенность социализационных процессов, но и массовизируются феномены так называемых «опережающей» и «запаздывающей» социализации, во многом ставится под вопрос сам финитный характер первичной социализации и возникает необходимость переопределения сути социализации вторичной.

Под последней в социологии традиционно понимали совокупность процессов социально-адаптационного характера, характеризующих изменения в жизни «социально-зрелого» («взрослого») человека – носителя сформированных личностных структур, автономного и ответственного за самостоятельно принимаемые решения. При таком подходе к трактовке социализации некоторые социологи вообще отрицали необходимость понятийного оформления этих процессов как социализационных, считая возможным рассматривать их в терминах социальной адаптации – приспособления на разных уровнях «включенности» к изменениям социокультурных, жизненных и возрастных ситуаций. Особые, но слабо прописанные проблемы в данном случае представляли собой тематизмы: завершения активного жизненного цикла, в связи с чем предлагалось обсуждение разных версий «десоциализации» пожилых людей, сужающих сферу своей социокультурной активности; маргинализации и пауперизации тех или иных социальных групп и индивидов; ресоциализации отдельных людей, потребность в которой возникала в результате перенесенной болезни или полученной трав-

мы (на чем предметно фиксировались прежде всего психологи); кардинальной смены языковой и (или) культурной среды (чем занимались прежде всего культурологи и антропологи).

Для описания процессов последнего рода в американской культурной антропологии были предложены термины «культурализация» (К. Клакхон) и «инкультурация» (М. Херсковиц), которые были к тому же полемически противопоставлены термину «социализация», как делающему акцент на усвоении социальных ролей, в контексте анализа которых в 1930–1950-е и была, собственно, конституирована в (прежде всего в американской) социологии проблематика и тематика социализации личности; другой канал их концептуализации – европейская психология – прежде всего в лице Л. С. Выготского, Ж. Пиаже, З. Фрейда, Э. Эриксона, а затем и представителей гуманистической психологии, – сосредоточившая внимание на формировании личностных структур и когнитивных и иных способностей ребенка в процессах его все более полного включения в социокультурную жизнь.

Таким образом, в отличие от более или менее соблюдаемого единства (при всем многообразии дисциплинарных и парадигмальных версий) в понимании сути первичной социализации наиболее спорным и уязвимым для критики оказался концепт вторичной социализации, что было усилено критической рефлексией процессов, стимулированных обществами, находящимися в состоянии «пост-», а также осмыслением материалов, накопленных при исследовании архаических и традиционных обществ, позволившим конституировать новую предметность научного изучения – этнологию (этнографию детства). Тем самым в современных дискурсах понятийно-терминологический ряд, связанный с тематикой и проблематикой социализации, все больше стал связываться с эвристическими возможностями социологических и психологических парадигм, оформленных в неклассическо-неоклассический период развития социогуманитарного знания, а сама тематика и проблематика, ранее трактовавшаяся как сугубо «социализационная», стала во многом осмысливаться с применением иных методологических и концептуальных средств.